18+

Nympholiada

Тайна,
"подсказанная"
Лувром

Сергей Е. Лемехов

роман в стихах

Сергей Лемехов

Nympholiada. Тайна, «подсказанная» Лувром. Роман в стихах

«Издательские решения»

Лемехов С.

Nympholiada. Тайна, «подсказанная» Лувром. Роман в стихах / С. Лемехов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536243-8

Легендарная «Мона Лиза» Леонардо да Винчи овеяна тайнами и слухами. Историки, критики и эксперты из мира искусства на протяжении многих столетий спорят о том, кем в действительности была девушка, изображённая на картине. Идея сюжета родилась в Лувре, в Париже, там же появились основные сцены. Роман о большой любви; о том, что значил для художника портрет. Начинается история с самого Начала — с далёких времён до Исхода. Так это было увидено; более впечатлительные люди могут назвать это озарением.

ISBN 978-5-00-536243-8

© Лемехов С.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Часть I – С самого Начала 7
Во времена Рамзеса 7
Любовь слепа… И сердцу не прикажешь 9
Гостям предложен паспортный режим 11
Эпоха Кира 13
Ужасно время – Средние века 15
Князь Олег 17
Княгиня Ольга и князь Владимир 19
Часть II – Флоренция 22
Флоренция! Какое это место! 22
Итак, окно, весна и Леонардо 24
Спешу предупредить упрёки и волненья 27
Захваченные прелестью весны 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Nympholiada. Тайна, «подсказанная» Лувром Роман в стихах Сергей Лемехов

Александра Решетникова *Корректор*
Илона Пшегодская *Дизайнер обложки*
Pixabay License EdiNugraha *Фотограф*
Илона Пшегодская *Редактор*
© Сергей Лемехов, 2021
© Илона Пшегодская, дизайн обложки, 2021
© Pixabay License EdiNugraha, фотографии, 2021
ISBN 978-5-0053-6243-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга – авторское видение истории возникновения и создания одного из самых ценных шедевров художественного искусства. Зародилась идея сюжета в Лувре, в Париже, и там же появились основные сцены. А начинается роман с самого начала – с далёких времён до Исхода. Так это было увидено; более впечатлительные люди могут назвать это озарением. Первые пять глав романа посвящены всем известным страницам мировой истории: Исход, скитания народа Израиля, ранние века и раннее Средневековье, Русь времён Рюриковичей и, наконец, Флоренция – культурный центр эпохи Возрождения. Там и разворачиваются основные события второй части романа.

Все главы в романе выписаны сценами, которые легко визуализировать, легко представить или узнать из подсказок собственного воображения, основанного на личном опыте и наблюдательности. Юмор – неотъемлемая часть романа. Эпоха Возрождения – это эпоха духа человеческого, раскрепощения лучшего, что в нём есть: тяга к любви, тяга к созиданию, тяга поставить себя в один ряд с Творцом, впрочем, как и теперь.

Петля Истории. По её прихоти во Флоренции обрели себя величайшие художники, политики, творцы, опережавшие своё время, словно родились из ещё непришедших веков.

Большинство персонажей в романе не вымышленные, а имеют свои реальные исторически запечатлённые имена. Но есть и выдуманные – они помогают сделать сюжет забавным, по возможности лёгким и правдивым.

Эпоха Возрождения изучена и описана во множестве книг. Но этот роман о другом. Он о внутреннем мире тех, кто имел отношение к появлению шедевра мирового искусства. Да, дорогой читатель, речь идёт о портрете «Мона Лиза» кисти Леонардо да Винчи – о том, что он значил для художника, как оказался там, где и хранится поныне, едва последний вздох, а с ним и душа Леонардо покинули его плоть. Это роман о большой Любви.

А начиналось всё так…

Воскресенье, 4 апреля 2021 г.

Часть I – С самого Начала

Вопрос еврейский уж наверно существует,
Пройдя по всем, что ни было, векам.
Но пусть антисемит не торжествует,
А судит всё по истинным делам.

Во времена Рамзеса

Однажды – время близилось к закату —
Рамзес по номеру, который забывал,
Прогуливался по низовьям Нила
И женщину нежданно повстречал.

– Откуда ты, прекрасная…?
– Роксана.
– Я прежде здесь тебя не замечал.
Такая красота и гибкость стана! —
И положил начало всех начал.

…Восток горел зарёю новой,
А фараон всё повторял и повторял:
«Я очарован кудрями знакомой,
И голову, боюсь, что потерял…»

Его пример мгновенно поддержали,
А Йосиф удивлялся невпопад:
«Как?! От кого так много нарожали
Овечки кроткие кудрявеньких ягнят?»
Рамзес-наследник (евнух от рожденья)
Секрет раскрыл, не в силах поддержать,
И повелел для пущего гоненья
Детей по матушке евреями считать.

Лет двадцать всё спокойно, чин по чину,
Никто не смел запретов нарушать,
Но и ему послал Господь мужчину,
Чтоб дело дедушки достойно продолжать.

Тогда отцы – хозяева «ягнят» —
Смирились, и «Господь не обессудит»,
Но чтобы как-то блудных отличать,
Решили: крайней плотью уд убудет.

Придя на смену – третьим после деда, —
Рамзес Великий, пробы не страшась,

Запретный плод еще разок отведал,
И вся история по кругу завелась:
В гареме ночью, днём на троне спит,
И многократно отлучиться норовит.

…Полвека в сладостных утехах пролетело,
Но только стали вдоль по Нилу замечать,
Что дети, появляясь то и дело,
Его богатства силятся прибрать.

Всё подсчитав по строгости порядка,
Собрались евнухи в кружок соображать:
Откуда эта новая повадка
Еврейских женщин часто так рожать?

Само собой, мелькнули подозренья,
Что это всё давно не просто так.
Пора решительно пресечь ночные бденья! —
Вопрос впервые поднимался так.

Но посудите: быть могло иначе?
Им не казался заговор игрой:
«Они весь Нил поразберут на дачи
И закрепят Египет за собой!»

Посыпались вопросы, предложенья,
Известные своею полнотой;
Жрецы искали верное решенье,
Как всё своё оставить за собой.

И, пожимая руки ближним членам,
Решили следовать за правильной канвой:
Не запрещая крови течь по венам,
Потоки внешние умерить головой.

И около трех тысяч лет назад, промежду прочим,
Цивилизация из глубины веков
Тогда впервые предложила – Авва, Отче! —
«Предохраняйтесь!» всем, без дураков.

Любовь слепа… И сердцу не прикажешь

Но некому призыв ума услышать.
Защита позже, в прошлом веке помогла.
И с фараоном вышла незадача —
Он видел все из своего угла.

Быть осторожным он не отказался,
Но отказался от завистливых друзей,
А тех, кто возражать ему пытался,
Казнил в два счета – просто, без затей.

А днём сидел, грустил на царском троне
И, отклоняя долгий список всех потерь,
Он оставался при одном своем резоне,
А мысли – как скорей уйти в постель:

«Да знаю, знаю: нильских объегорят.
Но ведь за всё приходится платить!
Меня еврейки негою изводят,
А как на свете без любви прожить?!»

И двадцать долгих лет долина Нила,
«Чужих» лаская женщин на пирах,
В срок плодородно воспроизводила
Цветы забвения во всех густых садах.

А их букеты полнили гаремы,
Что усложняло всем решение дилеммы:
«Любить нельзя вельможам запретить,
Но как же с Нилом, в самом деле, быть?»

Охрана во дворцах не знала слада:
«Свои», бывало, до утра сидят;
Под окнами – любители услады:
Носы в стекло, а на душе разлад.

Известный Моисей пришел на помощь,
Хоть фараона этим сильно огорчил.
Но он ведущим был, а не ведомым —
И разрешение, в конце концов, пробил,

Де: «Уходите! Скатертью дорога!
Раз не желаете с природой в мире жить
И судите любовь к еврейкам строго.
О них, а не о вас могу тужить.

И никакая пойма Иордана
Не потягается с египетской рекой,
И очень скоро новая Роксана
На Нил потянет женщин за собой».

Теряя лица, иссушая тело,
Палящим солнцем продолжая жизни дело,
Вокруг Синая сорок лет водил людей,
Борясь с тлетворностью рамзесовых идей.

Условия порядком изменились,
Но мысли у мужчин не распрямились.
Ведь если кто-то где-то по ночам,
То в тайне не остаться ловкачам.

Пришлось решать вопросы кардинально —
По старине, всерьёз, патриархально:
Ввиду недейственности всех «Не возжелай!»,
Нарушивший отчаянье познай!

Не крайней – всею отвечает плотью,
А женщине при всех по заду тростью.
…И поспешили из пустыни в города —
«Чтоб больше ни одной ногой туда!»

Все дальше помнят, как дошли и поселились;
Самсон, Давид… При нём слегка угомонились.
И только-только обрели покой,
Как Соломон увлек соблазны за собой.

Гостям предложен паспортный режим

Семьсот наложниц! Это вам не шутка.
…И понеслась по-новому раскрутка —
Со всех концов диковинной земли
В Ершалаим дороги пролегли.

Восток там Ближний, и не за горами.
Свои монахи в этот раз полны слезами;
И чтобы как-то ограничился приток,
Стеной решили отделиться под шумок,

Мол: «Мы еврейкам нашим цену знаем сами
И не торгуем как домашними гусями.
К тому же надо кончить панибратство —
Не разводить во всех харчевнях святотатство».

Гостям предложен паспортный режим:
«Купи кирпич» – налоговый зажим.
Рассчитано, конечно, не на бедных —
На тех, кто вкус чужих плодов запретных
Предпочитает, и кого ланит
Еврейских женщин на Восток манит.

И сорок лет великого правленья
Они не знали безработицы явленья.
Хватило стену выстроить, полхрама, и притом
Благоустроить каждый третий дом.
И всё, заметьте, от торговых инвестиций —
В развитие благ деловых традиций.

Но горе тем, кто меру плохо знает —
В шестом до нашей вавилонцев проморгали.
Решили те: кто сеет, тот и жнёт,
И повели евреев в новый гнёт.

Конечно, стену тоже разобрали
По кирпичам, что им же закупали.

Известно, что арабов на верблюдах
Барханов знойные не остановят груды:
По синусоиде пустыню обойдут,
А тень оазиса под пальмами найдут.
Шатры раскинут да воды напьются
И нежностям любовным предаются.

Но где верблюд водой обзаведется,

Сакральна память места, не сотрётся.
Неколебимо, словно херувим,
Считает всё давным-давно своим.

На берегу великого Евфрата
Навуходоносор с точностью Сократа
Определил: кто миру властелин,
Не должен подносить себе кувшин.

На Междуречье много своей глины,
А к наслажденьям путь теперь недлинный.

Приходится de facto принимать,
Что Вавилон решил евреев расселять
От стен родного Иерусалима
Вглубь на Восток, к слезам неумолимо.

Эпоха Кира

Затрепетала бедная душа:
Навуходоносор, что потом Али-Ходжа,
Рубил и сеял головы повсюду —
Убил немало царь тогда мужского люду.

Конечно, женщины дома восстановили,
Своими новыми детишками набили,
Но очень горько было сознавать,
Что вся история сначала завелась.

Да, в этот раз их горькая молитва
Достигла слуха высшего быстрей —
И разразилась у Евфрата злая битва:
Руками персов защищал Господь детей.

Красавец Кир – тридцатилетний хан —
Решил владыкой стать ему известных стран;
Перевернув Евфрата южный вал,
Он сделал шаг на этот пьедестал.

Кто покорял народы, верно, знает,
Как победитель бывшим узникам внушает,
Что он и есть их светлая надежда,
И верит всяк: и умный, и невежда.

Конечно, Кир евреев отпустил,
Дал денег и письмом сопроводил,
Где разрешалось вавилонцев брать в залог,
Восстановить златой алтарь в скорейший срок.

Готовил Кир египетский поход,
Дипломатический приветствуя подход.

Второй Исход был много покороче,
Но как длиннее становились ночи,
Всё чаще приходилось отмечать,
Что женщин стало больше пропадать:

На всем пути персидские посты
Свой интерес по-своему блюли.

Дойти до города евреи не успели,
Как от известия все разом онемели:
Оставил мир живых добрейший Кир —
Видать, Господь на небо пригласил.

Царь Дарий унаследовал от Кира
Мечту владычества, а жажда мира
Владела им не менее отца,
Что утверждал отчеты у Творца.

Египет пал… А новая стена
Великий город вскоре обнесла.

К тому моменту – пятый век до нашей эры —
Уже и в Тегеране нету меры:
Вернулись Дария победные полки
И кто запутался в их крепкие силки.

Сам Дарий был сторонник этно-секса,
И, как в насмешку, на замену Артаксеркса
Господь на Персию послал на долгий срок,
А тот не брал ограничительный зарок.

Царю мужчины никакого интереса
Не представляли. К слову скажем, из-за леса
Тропических телесных наслаждений
Не разглядел царь будущих лишений;

От окрылённой царственной души
Евреи к Каспию за воинством пришли.
Но это позже. А сегодня царь
Забросил деловой свой календарь,
Когда, поверх загара розовея,
Вдруг встретил дочь, само собой, еврея.

На Чёрном море – бывшем Понте – Митридат
Узнал от друга, что за нравы там царят,
И корабли послал туда тайком,
Чтоб было чем заняться вечерком.

Ужасно время – Средние века

Перелистнуть придётся века два,
А там и греки получили все права,
Но их самих Олимп не обездолил,
И жить с гречанками отнюдь не приневолил.

Однако, не страшась предубежденья,
Пришлось и им вкусить от угощенья.

Что было дальше, знает каждый школьник:
Естественно, сложился треугольник,
Где в точке собиранья медиан
Израиль дотянул до Мириам.

Многострадальный Иерусалим
Принадлежал кому угодно, но не им.

Надеюсь, многие ещё не позабыли,
Как там Спасителя на берегу крестили,
Потом его судили и казнили,
А Магдалину чуть камнями не забили.

Она традиции любовные блюла,
У победителей особенно слыла.

А кто другой хотел помочь блуднице,
Где ублажение было лицом столицы?

Спасибо римлянам: в преддверии упадка
Хранили женщин от мужского беспорядка.

Ужасно время – Средние века:
От треугольника отпала сторона,
И семь веков ждала Европа слова,
Чтоб на Восток вернуться с боем снова.

Войска бездушные бароны собирали,
За Гробом якобы Господним посылали.
Но почему, позвольте возразить,
Ни разу не могли его добыть?

И слава Богу, что османские порядки
Собой прикрыли европейские нападки.

Однако ближе к делу повернемся
И хорошенько в нём ещё раз разберёмся.

Известна истина: коль женщина родится,
То непременно уж кому-то пригодится.
В Ближневосточный христианский тур
Вели людей нажива и Амур.

За два столетия из пыльной знойной дали
На три вперед евреек натаскали.

Да если вместе их тогда собрать,
То край до Турции пришлось бы расширять.
Ведь даже рыцарей от круглого стола
Не раз пронзала их любовная стрела.

Путем насильственных во все концы миграций
Менялся облик европейских наций.

Ввиду того, что повторялась та же штука,
Как в Вавилоне, Персии: без звука
Евреек начали в трактирах прижимать —
Где победителям тактичность проявлять?!

Да, господа. Как табельный ученый,
Не «сионист», не «анти-«увлеченный,
(Страшит меня упреков острых град),
Но догмы старые ложатся плохо в ряд!

И если кто найти желал бы лад,
Тем факты укоризненно кричат:
Тот, кто ведёт «победную» войну,
Таскает пленников как зверь в свою нору.

Смешно и глупо в этом свете полагать,
Что сами, мол, залезли к волку в пасть.
Признать приходится: неправы утвержденья,
Где, пересиливая беды и гоненья,
Они – евреи – по хитрющему уму
Себя загнали за Урал и Колыму.

Князь Олег

Но возвратимся в наши средние века,
Да не в Европу, а зайдём издалека.
Хочу о князе в двух словах сказать Олеге,
Его победном над царьградцами набеге.

Олег немало в ратных играх упражнялся,
Мечом от всех – и от врагов – оборонялся.
По мелкой пьянке поучать спешил хазар —
Не принимая за людей, войной карал.

Не знаю, чем, но только город провинился,
И на него воитель мощью ополчился,
И от крутых днепровских берегов
Дать городским поехал тумаков.

За ограждение его не приглашали,
Атаки с моря как приливы отражали,
Да городская полумесяцем стена
Дала намек, где проходимая она.

В учебниках с картинками читали,
Что россы паруса не убирали,
А на колесно-парусном ходу
Вели обидчиков к ответному суду.

Когда Христос пешком прошелся по воде,
Все испугались, словно быть теперь беде,
А тут по суше едут шлюпы-корабли —
С такими воины бороться не могли.

Ключи достали, вышли принимать,
Олега грозного в слезах увещевать.

Трофейный свиток бересты хранил немало:
Бочонки золота, агата и опала,
Но кое-что в него ещё тогда попало,
Чего до этого Отечество не знало.

Впервые здесь евреи пригодились:
На ло́дьях как свои поразместились,
И очень часто восхищенный их делами
Олег ценил трофей и величал волхвами.

Так, городские – те, что киевляне —
Впервые иудеев повстречали.

Не хлебом-солью – крепким дубом принимали,
Но дров напрасных нет, не наломали!

Евреи по природе пастухи,
Им трудно целый день быть у сохи
Или на мельнице до чёртиков крутиться,
А тянет их природе поклониться.

Днепровские ковровые луга
В них никогда не видели врага.
Туда Олег гостей и отпустил
И часто в гости поболтать к ним приходил.

Днипро, Днипро… Кто был, не даст соврать:
Красивей этого простора не сыскать.

И чернь, и слобода, и даже знать
Любили там по вечерам гулять.
И все евреи соловьиной дали
Частенько в гости к себе россов приглашали.

А где поют до зорьки соловьи,
Всё подчиняется мелодиям любви.
Под мёд и песни тёплыми ночами
Перуны дев прекраснейших ласкали,

И расцветала Русь для них садами,
Где звёзды жить в покое нарекали.

И в том ли есть еврейская вина,
Что вся Россия приняла их имена?

Княгиня Ольга и князь Владимир

Племянник, продолжая дело князя,
Любил всё меньше женщин, но зато
У киевлян никто и отродяся
Сравнимой жадности не видел до него.

Неодолимо в тёмные леса
Наживы страсть беднягу заманила,
Да изодрав смолёные власа,
Как волка палкой дó смерти забила.

Хоть молод Игорь был еще тогда,
Успел жениться и дитём разжиться.
Княгиня Ольга больше никогда
Ни с кем решила ложем не делиться.

И Святополка обучала с малых лет:
«Будь книгами и мыслями согрет,
Никто не может жадностью разжиться —
Плохой конец постигнет лихоимца».

У Святополка жизнь текла по временам:
Набеги ратные, пирушки по ночам.
Да верил мало старым киевским богам
И тяготился общей тягой к чудесам.

Не уважая от души кровь и злодейство,
Едва не принял самым первым иудейство.

Княгиня Ольга, зная языки,
Имела светлый ум, а мужики
Врагов искали, зная, как сразиться,
И кровью внешнею – «разбойною» – упиться.

Желая эту практику пресечь,
Она пыталась христианством Русь увлечь,
Наивно веря, будто верой вековою
Научит чаще россов думать головою.

Ей не пришлось, старея от тоски,
Дождаться христианства на Руси.
А вера новая как солнце засветила,
Когда Владимира звала к себе могила.

Он нес в себе немалые грехи:
Учителя его – соха да пастухи;

Природе силы щедро отдавал,
От дев и неги отдыха не знал.

В палатах жил, но было, часто было —
Его на Днепр на закате уводило,
Где по весне до утренней зари
Не умолкая пели соловьи.

Любил Владимир сочные луга,
Когда Венерой зажигается заря.
Ей оставаясь доблестным слугою,
Князь Соломона воскрешал собою.

Природу женскую примите фигурально…
Широким клином разбежались берега,
И тянут в омут, дабы досконально
Понять, где выбег начала у них река —
Река неутолимости желаний,
Что заставляет океан страстей
Вскипать волной сердечных замираний
На запрещения спасительных идей.
А на рассвете утомлённый путник
Покинет ту, что в омут завела.
Разлука у любви – надежный спутник,
Но сердцем сохраняются слова:
«Всей этой ночи радостный залог;
Согрей, когда снега луга укроют,
И в нужный срок появится росток,
А край наш приумножится тобою…»
Так, поэтично соблазняя дам,
Готовился Владимир к холодам.
Поняв Спасителя буквально: «Возлюби!»,
Числом прибавившись назойливой родни.

Но с хитростью синайского еврея,
Толкал на Север князь своих, где холоднее,
Прося, чтоб мать притом не забывали,
Колоколами денно-нощно знать давали!
Велел креститель выучить псалмы,
Застроить церквями приглядные холмы.
Вот где пространство стало бедности с руки:
Тогда не только внуки – даже правнуки,
В колонны выстроив нередкие полки,
Их от Днепра на север повели.

Вошло в традицию: как только тает лёд,
Так начинается очередной Исход.
И не боясь колючего Борея,
В повозку прыгала нередко Саломея.

А вместе с ней, от холода бледнея,
Туда же ехала и вся семья еврея.

Нельзя определенно побожиться,
Но опыт их не мог не пригодиться.
Ведь Родина, на север прирастая,
Войн не вела, норвегов вытесняя.

Лет двести не терялся южный след,
Пока бурьяном не порос от внешних бед.

История чингизского похода
Не принесла Орде желанного дохода.
Спасительно, что наши города
В конце концов устроил Калита.
А беды дальше колесом катились,
Хоть русские старательно крестились.
Да, через триста лет ушла Орда,
Но тёмной оставалась вся страна:
Князья и малодумные бояре
Терзали русичей в монашеском угаре.
Сполна досталось и татарам, и евреям;
По счету русских за покорности злодеям.

Оставим их – они не интересны,
А поспешим туда, где мир телесный
С духовным уживался, и сейчас
Непреходящей красотой чарует нас.

Конец первой части
Понедельник, 13 августа 2018 г.

Часть II – Флоренция

Флоренция! Какое это место!

Флоренция! Какое это место!
Сандаловые камни под ногой,
Безоблачное небо без протеста
Расположиться молит под собой.
Сухой прозрачный воздух помогает
Найти в тени спасительный сосуд,
А молодые лозы предлагают
Расслабленной душе ночной приют.

Не торопитесь в ту же ночь
познать блаженство.
Оставьте всё на долгое «потом».
А, забываясь сном, любое место
Приметьте под луною за окном.

Флоренция не ведает приливов —
Она вдали лазурных берегов,
Но, как Неаполь, сказочно красива
Заросшими фасадами домов.

Едва рассветный луч лица коснётся,
Счастливый путник может увидать:
Хрустальный водопад из окон льётся
Росу вьюнам жемчужную подать.

А на холмах зеленых кипарисы
Среди широких лавровых дубрав,
Пирамидальных тополей карнизы
На сходах проявляют гордый нрав.

Едва ли после этого возможно
Уроки пуританства соблюдать,
Тем более, когда совсем несложно
По сердцу наслажденья выбирать.

Один пример по теме обсужденья
Поможет всё наглядно доказать:
Флоренция эпоху Возрожденья
Имела честь Европе открывать.

Какие люди жили и творили!
Буонарроти, Винчи, Рафаэль…

И всё, что они в Городе ценили,
Оставили для будущих людей.

Быть может, кто-то скажет, что евреи
Талант не прилагали к той затее.
По сути, не имея возразить,
Просил бы фактам дать о том судить.

Итак, окно, весна и Леонардо

Итак, окно, весна и Леонардо.
Взгляд зачарованно куда-то устремлён;
Идя по направлению, веранду
Приметили, где распустился клён?

– …Да чтоб ты провалился, старый олух!
Да чтоб тебя и в дантевском аду
Пороли розгами и посыпали солью
Занозы на распаренном заду!
Да чтоб тебя… Не Вас, синьор да Винчи.
Приветствую! Какой чудесный день;
А мы тут по-соседски с падре Линчи
Толкуем, мирно, разгоняя лень.
Минуты не пройдет – я свою Лизу
Направлю за холодным молочком.
Вы пять секундочек, не более, поспите,
Пока я дошепчуся с мужичком…

…Да чтоб тебя за гнусные намеки
Ошпарили козлиным молоком,
А после по макушке в синагоге,
Свинячьим надавали пятачком!
Возможно ли такое оскорбленье
На честную еврейку возводить?!
Я прибиралась там, не более. Сомненье
Молитвами должны Вы усмирить.
Сегодня к вечеру, когда Вы без намеков,
Я, может быть, успею Вас простить,
Желая дополнительных уроков
О христианских нормах жизни получить.
Ну, уходите, уходите же скорее —
Мне Лизоньку пора давно будить;
Для нас обоих было бы вернее
Её от вашей брани оградить.

– Вот скверное жидовское отродье…
Нет, нет, синьор да Винчи, я не Вам.
Да чтоб… еще не раз мне приложиться
К её неувядающим бокам!

Вы понимаете, Господь-спаситель учит
Не гневаясь заблудших обращать.
Кто заслужил свое и так получит,
Но я пытаюсь свет ей показать.
Храни Вас Бог, синьор, а мне пора

В храм поспешать, не то… Ну и жара.

…Несложно будет вам предугадать,
Как слово падре к ночи отзовется,
Желая ощутимо показать,
Откуда свет спасения прольется.

«Но что это? Мелькнула занавеска…
Отчетливо за кружевами грудь,
Не показалось? Нет! Святой Франческо,
Позволь мне нынче щечку ущипнуть…

Но поспешу водой ополоснуться,
Ароматическим посыпать порошком,
Себя и кудри, что природой вьются.
Костюм немодный и висит мешком…
Да чёрт с ним. Мне позволена небрежность —
Она меня который год ведёт
Путями, где так часто, часто нежность
Все деньги забирает в оборот.

Но мне ведь тоже кое-что осталось,
И долгим эхом в жизнь отозвалось…»

– Ты, Лиза? Подожди, приму сосуд.

– Как Вы, синьор, красиво изъяснились.
Кувшин – простой предмет среди посуд,
А Вы ему как вазе поклонились.
Должно быть, это Ваш особый дар —
Увидеть в глине или белом камне
Творений будущих почетный пьедестал…
А мы бедны, просты, как окон ставни.
Вам, верно, есть зачем кувшин ласкать,
И от меня глаза хоть чем-нибудь занять.

– Нет, Лиза, нет… Психея, Идеал!
За достижимость я бы все, что мог, отдал!

– Когда бы, сударь, я Вас плохо знала,
Решила: соблазняете меня,
Да по такому случаю немало
Происхождение расскажет за себя.
Ведь я еврейка, а не христианка —
Среди грибов ненужная поганка.

– Я не желаю это принимать!
Зачем терзаешь душу мне слезами?
Я докажу. Дай мне нарисовать,

Какими сам на всё смотрю глазами.

– Вы, право, так настойчивы, а я
Ещё глупа – готова согласиться.
А матушка? Боюсь я за себя…
И ей могу по дому пригодиться.
Поверьте, Ваши тёплые слова
Заставили в груди ключи забиться,
Когда бы, сударь, я теперь могла…
Вы их на слух, вот здесь, под сердцем…
Лучше нам проститься.

– Не уходи, позволь, молю, позволь
К источнику волнения склониться
Едва-едва, легонько головой —
Услышать, что под грудию творится.

– Вы так настойчивы… Пожалуй… Боже мой!
Я удаляюсь, матушка грозится
В окно! Открылось ей, должно быть, всё,
Что на душе от Ваших слов творится!

«…Как ловко я глупышку обыграл!
Мне кажется, появится надежда.
Должно быть, Эрос в ухо пошептал
Упомянуть, что спрятала одежда.
А с матушкой вопрос решится быстро —
Я денег ей за Лизу предложу.
Стараться если даже сноровисто,
Полгода… больше, больше попишу!»

Вот так и появляются шедевры —
Венеры, Ариадны без одежды.

Спешу предупредить упрёки и волненья

Спешу предупредить упрёки и волненья,
Какое право, мол, имею сам
Так вольно придавать канву решеньям
По тем делам, что излагаю вам.
Рассмотрим положительно резоны:
Флоренция – особая страна;
Республика, наукою ведома
И пуританством не поражена.
Банкиры чаще к власти приходили
И хлопотали мудро за неё
Да никогда кострами не учили,
Как правильно усвоить «житие».

Со всей Италии под них тянулись люди,
Кто собственною верой увлечён;
В стране, где католичеством повсюду
Особенный порядок заведён:
Из ста дворов едва ли был один,
Куда священник как к себе не заходил.
Власть светская имела мало права,
Чтоб отделяться от церковного устава.
Кто этим тяготился, не терпел —
Достичь стремился Медичей удел.
Тем более французская метла
Войною с севера напуганных гнала.

Поэтому не стоит удивляться,
Что многие еврейские дома
В Республику спешили перебраться,
Когда кругом такая кутерьма.
Но только ли они? Конечно, нет;
Все, кто бежал, для собственных судеб.
Лоренцо Медичи, играя роль патрона,
Сбирал со всей Италии людей,
Способных прославлять делами лоно —
Флоренцию – для царственных затей.

Авантюристы и евангелисты
Рекой в провинцию – Лоренцию – текли.
Литература, живопись, скульптура
Свободу мысли и фантазий обрели.
Их имена украсили равнину,
Преодолев барьер пяти веков,
Венеции, Милану и Турину
Роль отведя вторичных городов.

Ждать не пришлось великих результатов
И гениев, и сущих супостатов.
А первый среди всех – Макиавелли;
Ему бы жить при злобном Робеспьере…
Мог флорентиец убеждать людей:
Свобода – равенство всех цветовых кровей!

Макиавелли, принцев поучая,
Себя как равный с ними проявлял,
Кто сам желал – тех далеко от рая,
Дорогою тернистой направлял.
Но феодальный строй предоминантен:
Бароны, герцоги имеют все права;
В одежде каждый ультраэлегантен,
А в голове готовые слова:
«Служите честно – может, не обижу,
А будете любезны – так повышу».
И каждый служит, служит кто как может —
Никто другой уж верно не поможет;
Неплохо быть, раз так, ростовщиком.

Но сколько их? От силы десять-двадцать,
А тут Флоренция, где каждый пятый дом
Нужду несёт, страшится депортаций.
Община? Это праздные слова,
Досужий вымысел, коль толком разобраться.
Да кто, в какой стране, где и когда
Хоть чем-то одарил единоверца?

Разбухнув, выменем Богатство струйки льёт —
Подрасцедившись, всё в себя сольёт.

И надо ли серьёзно удивляться,
Что женщинам несвойственно бояться
Себя в красивом обществе подать
Или на улице недорого продать,
Стараясь подкопить на жизнь по капле —
Сменить на туфли лыковые лапти.

Так вот: Флоренция в ту пору что Содом —
Доступность жизни, стиль определяла,
И, проливаясь денежным дождём,
В одеждах у «данаек» оседала.
А кто ещё? Приличный итальянец
На луковом бульоне посидит,
Но не откажется в приюте горьких пьяниц
Девчонку на часок перехватить.
Но не свою – набожны католички,
Да и забот потом не разгрести:

Исповедавшись, на алтарь наличность
За удовольствие вторично заплатить.

А на еврейках счет простой, не грешный,
И индульгенции не стоят никакой:
Порядок заведений всем известный
И самый ни на есть что деловой.
Но были бы напрасны утвержденья,
Что каждый волен «да» и «нет» сказать —
У всех свои по жизни убежденья,
Да деньги будут наперёд решать.

Не верите? Заглянем в прежний дом.

Захваченные прелестью весны

«Флоренция похожа на Содом!
Пирамидальные красавцы-кипарисы,
Прекрасные цветущие сады
И господа влюблённые нарциссы;
Все требуют особенной еды,
Зеркальной зачарованности видов,
Где можно проложить свои следы
Без увяданий розовых ланитов.
По соответствию отпущенной казны
Им надо непременно отразиться,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.